

много; сказалъ: „ну, старуха, у насъ теперь всего довольно“. А старуха сказала: „хотя всего довольно, а всё таки мы крестьяне, поди-ка, попроси птичку, не сдѣлаетъ ли тебя чиновникомъ, а я буду чиновница“. Старикъ опять пошелъ. Приходитъ въ лѣсъ и тяпъ по дереву. И выходитъ птичка: „чивы, чивы, чивы-чѣкъ, чего надо, старичѣкъ?“ — „А вотъ что, у насъ теперь всего много, а все таки мы крестьяне, насъ никто не уважаетъ, нельзя-ли меня здѣлать чиновникомъ?“ Птичка сказала: „поди, будишь чиновникомъ“. Выѣхалъ изъ лѣсу и идетъ по деревнѣ, всѣ ему кланяются. Приходитъ къ дому и видитъ, что у него прислугъ много и всѣ его боятся. И говоритъ старуха: „вотъ теперь, старикъ, мы всѣмъ довольны, да, старикъ, этотъ чинъ-отъ — ладна, а все таки мы подвласны царю-та, поди-ка къ птичкѣ, не сдѣлаетъ ли тебя царемъ?“ Старикъ опять пошелъ и опять по дереву. Выходитъ птичка: „чивы, чивы, чивы-чокъ, чего надо, старичокъ?“ — „А вотъ чего, я хоть теперь чиновникъ, а все таки подъ властью царской, не сдѣлаешь-ли меня царемъ“. Приходитъ домой и его выбрали въ цари, а старуха опять говоритъ старику: „теперь мы на землѣ-та никого не боимся, а страшимся теперь только Бога, поди-ка, старикъ, скажи-ка птичкѣ, чтобы она сдѣлала тебя Христомъ, а меня Богородицей“. Птичка сказала: „ладна, ступай, будь ты быкомъ, а твоя старуха свиньей“. Старикъ приходитъ въ село быкомъ и видитъ старуху свиньей.

Козмодемьянскій у., с. Чермышево. 1852 г.

150. [Коть-Котовичъ, Волъ-Воловичъ и Иванъ-Царевичъ].

Жилъ-былъ царь съ царицей. Эта царица долгое время жила замужемъ и не одного не родила. Царь пошелъ искать докторовъ, и никто не выискался. Вздумалъ идти по кабакамъ: „не найду ли тамъ кого нибудь“. Одинъ въ кабакѣ выискался, сказалъ: „я сдѣлаю, она будетъ родить“. Царь его началъ спрашивать, что нужно дѣлать. Пьяница сказалъ: „сплети ты, царь, три рѣшета, волосяное, нитиное и шелковое, и поди ловить рыбу“. Царь сдѣлалъ это, и пошли съ пьяницей ловить рыбу. Начали ловить волося-

нымъ, попала рыба и разорвала рѣшето. Стали ловить нитянымъ и его разорвали. Начали ловить шелковымъ и поймали рыбу. Пьяница сказалъ: „поди, царь, вели сварить изъ всей рыбы уху и ее поѣсть“. Царь принесъ рыбу, отдалъ дворовой дѣвкѣ, дѣвка сварила и поѣла прежде сама потомъ отнесла царицѣ, поѣла и царица, и остатки вылила дѣвка на дворъ, и подлизала корова. Царица и въ самомъ дѣлѣ родила Ивана-Царевича, дѣвка родила Кота-Котовича, и корова родила Вало-Валовича. И назвались всѣ братьями, росли они ни по днямъ, ни по часамъ, а по минутамъ. Царь ихъ и послалъ въ свои луга искать для себя лошадей. Иванъ-Царевичъ и Като-Катовичъ выбрали себѣ по лошади, а Вало-Валовичъ не могъ найти по себѣ лошади: какъ на лошадь положить руку, такъ она и свалится. Приходитъ къ царю и рассказываетъ, что не нашелъ по себѣ лошади. Царь говоритъ: „у меня есть лошадь за тридцатью дверями, за тридцатью замками и тридцатью цѣпями, поди, посмотри“. Вало-Валовичъ пришелъ, началъ отбивать дверь; Вало-Воловичъ отобьетъ дверь, а конь пять (такъ!), и наконецъ конь выбился къ нему. Вало-Валовичъ положилъ на его руку, конь и не пошевелился. И конь заржалъ: „много лѣтъ я здѣсь стоялъ, и хозяинъ не находилъ по мнѣ фздока“. Вало-Валовичъ сѣлъ на него, и поѣхали всѣ три брата Иванъ-Царевичъ, Като-Катовичъ и Вало-Валовичъ путемъ-дорогой и под(ъ)ѣхавши къ Крашеному мосту, по которому никто благополучно не проѣзжалъ, привелось имъ тутъ почевать. Они метнули жеребій, кому ночь не спать. Досталось Ивану-Царевичу. Иванъ-Царевичъ началъ плакать и просить Вало-Валовича снять жеребій на себя. Вало-Валовичъ взялъ саблю и всталъ на краулъ. Приходитъ полночь, и летитъ шестиглавой змѣй и говоритъ: „фу, фу, фу, не было ни слуху, ни духу, а нынче русскій духъ въ устахъ мечится“. Вало-Валовичъ сказалъ: „врѣшъ, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ Вало-Валовичъ съ змѣемъ биться. Изрубилъ змѣя въ мелкие части и затопталъ въ тину. Вало-Валовичъ пошелъ по оврагу, и бѣжитъ Котища, вытращи глазища, и хочетъ его съѣсть. Вало-Валовичъ взялъ его за ноги, хлопнулъ объ камень. Шкурка снялась, надѣлъ шкуру на себя и пошелъ въ лѣсъ. Стоитъ избушка на куричьей голяшкѣ, повертывается.

Вало-Валовичъ сказалъ: „встань, изба, постарому, какъ тебя мать поставила, къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Взошелъ въ избушку, Богу помолился, на всѣ стороны поклонился. Сидитъ Яга-Ягинишна, Овдогья Кузминишна, носъ въ потолокъ, титьки чрезъ порогъ, сопли чрезъ грядку, языкомъ сажу загребаешь. Яга-Ягинишна говоритъ: „что, Котинька, гдѣ былъ-побывалъ?“ — „Я былъ-побывалъ за темными лѣсами, за высокими горами“. И потомъ ему же сказала: „ты, валовка, откуда появился?“ Вало-Валовичъ сбросилъ съ себя шкуру котову и сказалъ: „врешь, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“. Пнулъ избушку, и изба повалилась, а самъ пошелъ къ братьямъ и рассказалъ, что съ нимъ случилось. Опять на другую ночь метнули жеребій, кому другую ночь ночевать, и досталось Като-Катовичу. Като-Катовичъ заплакалъ и просилъ Вало-Валовича караулить за него. Вало-Валовичъ сжалился, взялъ саблю и пошелъ на караулъ. Приходитъ полночь, и летитъ девятиглавой змѣй и говоритъ: „фу, фу, фу, не было ни слуху, ни духу, нынѣ рускій духъ въ устахъ мечится“. Вало-Валовичъ всталъ и сказалъ: „врешь, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ съ нимъ биться; разрубилъ всего змѣя и затопталъ въ тину. Пошелъ по оврагу, бѣжитъ Котища, вытираетъ глаза, и хочетъ его с(ъ)ѣсть. Вало-Валовичъ взялъ за ногу, шкура снялась; взялъ шкуру и надѣлъ на себя. Пошелъ въ лѣсъ; стоитъ избушка на куричьей голяшкѣ, повертывается. Вало-Валовичъ сказалъ: „встань, изба, постарому, какъ тебя мать поставила, къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Взошелъ въ избушку, Богу помолился, на всѣ стороны поклонился, видитъ—Яга-Ягинишна, Овдогья Кузминишна, носъ въ потолокъ, титьки чрезъ порогъ, сопли чрезъ грядку, языкомъ сажу загребаешь, и говоритъ: „что ты, котинька-батинька, гдѣ былъ-побывалъ?“ — „Я былъ за темными лѣсами, за высокими горами“. Яга-Ягинишна говоритъ ему: „откуда ты, валовка, появился?“ Онъ скинулъ съ себя котову шкуру и сказалъ: „врешь, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, пнулъ избушку, избушка повалилась. Пришелъ къ своимъ братьямъ и рассказалъ; они со страху едва не умерли. На третью ночь досталось караулить самому Вало-Валовичу. Онъ взялъ саблю и пошелъ на караулъ на мостъ.

И летитъ змѣй двѣнадцатиглавый и говоритъ: „фу, фу, фу, слуху-духу не было, нынче рускій духъ въ устахъ мечится“. Онъ сказалъ: „врешъ, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ съ змѣемъ биться. Долго съ нимъ бился, наконецъ, побѣдилъ змѣя. Опять пошелъ по оврагу, и бѣжитъ Котища, вытращи глазища, и хотѣлъ его съѣсть. Вало-Валовичъ взялъ его за ногу, ударилъ объ камень, шкура слѣзла, онъ надѣлъ на себя шкуру и пошелъ въ лѣсъ. Стоитъ избушка на куричьей голяшкѣ, повертывается. Вало-Валовичъ сказалъ: „встань, избушка, по-старому, какъ тебя мать поставила, къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Взошелъ въ избушку, Богу помолился, на всѣ стороны поклонился. Сидитъ Яга-Ягинишна, Овдотья Кузминишна, носъ въ потолокъ, титьки чрезъ порогъ, сопли чрезъ грядку, языкомъ сажу загребаешь и говоритъ: „что, котинька, гдѣ былъ-побывалъ?“ — „Я былъ-побывалъ за темными лѣсами, за высокими горами“. Яга-Ягинишна сказала: „откуда ты, воловка, появился?“. Онъ скинулъ съ себя шкуру и сказалъ: „врешъ, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“. Яга-Ягинишна сказала: „ну, валовка, поди на мостъ и дожидайся меня, посражаемся мы съ тобой“. Вало-Валовичъ пошелъ и легъ подъ мостъ съ братьями. Вдѣтъ Яга-Ягинишна по тому мосту, гдѣ лежитъ Вало-Валовичъ, и говоритъ межъ себя: „я первую дочку сдѣлаю сахарной яблоньей: какъ онъ сорветъ яблоко и укуситъ, такъ его и разорветъ; другую дочь сдѣлаю колодцемъ, и будетъ тутъ золотой ковшикъ: какъ онъ тутъ воды испьетъ, такъ его и разорветъ; а третью дочь сдѣлаю по-стелью: какъ онъ на нее ляжетъ, такъ его разорветъ“. А Вало-Валовичъ лежитъ да слушаетъ. Вышелъ изъ-подъ моста и сказалъ Ягѣ-Ягинишнѣ: „врешъ, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ съ ней биться. Бился долго и усталъ, и сказалъ: „дай мнѣ отдохнуть хоть три часа“. — „Не дамъ тебѣ три минуты“, сказала Яга-Ягинишна. — „Но хоть дай три минуты“. Она сказала: „пожалуй, даю тебѣ три минуты отдыху“. Онъ пошелъ подъ мостъ, а Яга-Ягинишна легла на мосту и уснула. Вало-Валовичъ вышелъ изъ-подъ моста и разрубилъ ее на мелкія части и затопталъ въ тину. Разбудилъ своихъ братьевъ, сѣли на своихъ лошадей и пустились домой. На дорогѣ попадается

имъ яблоня кудрявая. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „братцы, остановитесь, поѣдимъ яблоковъ!“ А Вало-Валовичъ стегнулъ лошадей, и лошади полетѣли вихремъ. Проѣхали немного, попадается имъ на дорогѣ колодецъ и въ немъ золотой ковшикъ. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „братцы, остановимтесь и напьемся воды“. Вало-Валовичъ опять стегнулъ лошадей, и лошади помчались вихремъ. Потомъ пріѣзжаютъ на постоялый дворъ и, выпарившись въ банѣ, и опять домой пустились. От(ъ)ѣхали немного, попадается на дорогѣ кровать съ пуховой постелью. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „братцы, остановитесь, отдохнемте здѣсь на постели послѣ бани“. Вало-Валовичъ опять стегнулъ лошадей, и лошади еще ш(ибче) полетѣли. И пріѣзжаютъ къ отцу, начали ему рассказывать; онъ со страстей упалъ со стула и убится. Братья раздѣлили между собою царство и стали жить да быть да добра наживать.

Козмодемьянскій у., с. Чермышево. 1852 г.

151. [Баба-яга].

Быль-жилъ старикъ со старухой, у нихъ была дочька. У этой дочери была крестна, Яга-Ягинишна. Дочька была мянинница и пошла къ крестнѣ пироги относить. Попадаетъ ей навстрѣчу мужикъ на бѣлой лошади. И спросилъ: „куда идешь, деушка?“—„Къ крестнѣ, несу пироги“.—„Не ходи, сказалъ мужикъ, она тебя съѣстъ“. Отошла отъ него, и попадаетъ другой мужикъ на черной лошади, опять тоже спросилъ. И она сказала: „къ крестнѣ несу пироги“. Онъ сказалъ: „не ходи: она тебя съѣстъ“. Приходитъ къ воротамъ—вороты заперты ногой; взшла—на дворѣ стоитъ въ кадкѣ кровь; взшла на крылецъ—валяются маленькіе ребятишки; сѣни заперты рукой; взшла въ сѣни—валяются на полу рука да нога; дверь заперта пальцемъ; взшла въ избу—лежитъ мохнатая башка, и сама идетъ Яга-Ягинишна и стала спрашивать; „что, дочька, не видала ли чего дорогой, какъ ко мнѣ шла?“—„Видѣла много“, сказала дочь. „Рассказывай же все“.—„Видѣла: ѣдитъ мужикъ на бѣлой лошади“. Сказала Яга Ягинишна: „это мое бѣлое небо“.—